

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1909**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1909: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 658 с.

ISBN 978-5-458-46816-9

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1909. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-46816-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

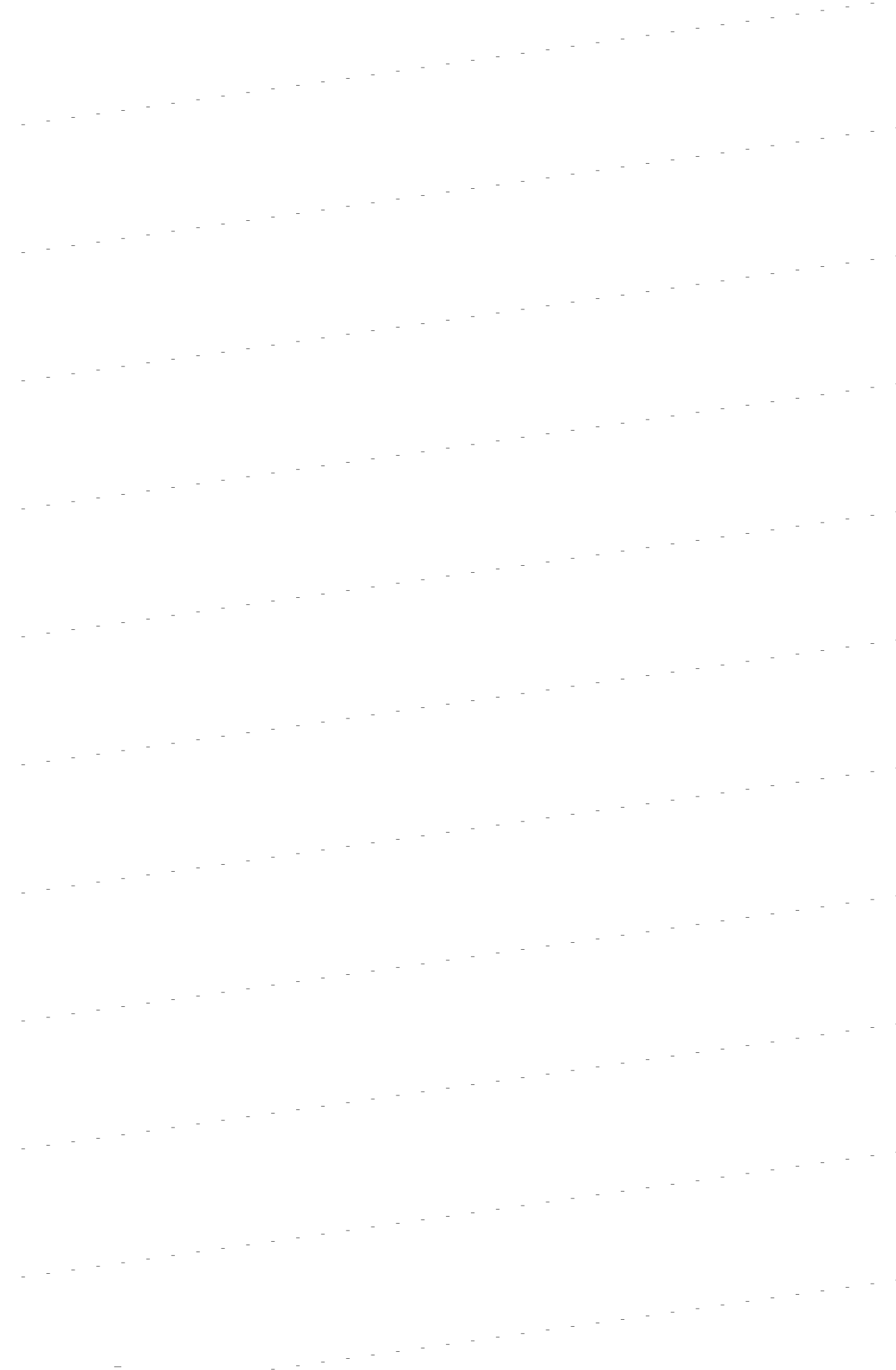
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

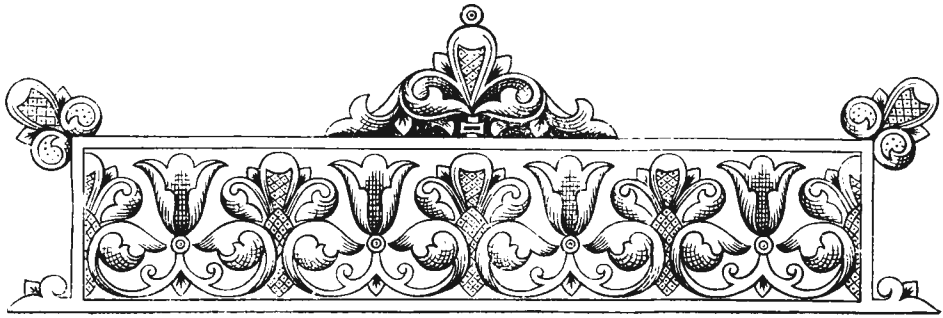
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СУВОРОВЪ.

ЕГО ПИСЬМА.*)

Къ П. П. Алексіано.

Кинбурнь, 25 Маія 1788 года.

Копія.

Батюшка, мой другъ Панаіоти Павловичъ, помилуйте! Чтò вы предпринимаете? Заклинаю васъ симъ днемъ нашего Спасителя, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, вы Ему отвѣчать будете! Вы только процвѣтаете, лавры ваши нынѣ завянуть не могутъ... Я уступалъ судьбѣ. Россія службою моею питалась, вашею питаться будетъ по критическимъ обстоятельствамъ. Достоинствами вашими вы вѣчно прославитесь; изъ рога изобилія Высочайшаго престола истекуть вамъ милости выше вашего ожиданія. Свѣтлѣйшій князь его покровительствомъ уважить ваши заслуги. Будьте съ адмираломъ на образъ консулей, которые древле ихъ честь жертвовали чести Рима. Кончите толь важную экспедицію. Обстоятельства подвержены переменамъ; кампанія начинается: въ продолженіи оной много вамъ времени соорудить ваши мысли. Здравой разсудокъ не дозволяетъ рѣшиться стремглавъ и дать своимъ страстямъ надъ собою область. Теперь храбраго и честнаго человѣка долгъ — избавить Кинбурнь предосужденія, поразить невѣрныхъ и увѣнчаться побѣдами. Вашего высокородія истинный другъ и покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

*) Печатаются съ подлинниковъ. Собственноручное означено вносными знаками; то же, чтò писано по французски и по нѣмецки, оставлено безъ перевода, котораго полностью дать мы не можемъ, предоставляя оное лицамъ, которыя болѣе, нежели мы, знакомы съ исторією второй Турецкой войны при Екатеринѣ Великой. П. Б.

Письмо П. П. Алексіано.

Ваше высокопревосходительство милостивый государь мой
Александръ Васильевичъ!

Получивъ сего числа планъ расположенія Турецкаго флота, свидѣтельствую вашему превосходительству мою чувствительнѣйшую благодарность за всѣ увѣдомленія, которыми вы меня удостоивать изволите. Съ своей стороны, хотя не будучи здѣсь главнымъ начальникомъ я употребляю всѣ способы для усмиренія дерзости бусурманской. Сея ночи посылалъ я свое собственное маленькое судно для примѣчанія непріятельскаго расположенія, которое чуть не захватило такого же у непріятеля, но наконецъ, будучи преслѣдовано двумя шебеками, принуждено было ретироваться. Примѣтя сіе, я тотчасъ послалъ къ нему на помощь три фрегата, отъ чего Турецкія суда принуждены были сами ретироваться. Но какъ вѣтеръ для возвратнаго пути нашимъ неспособенъ, то отъ принца Нассау откомандированы были для подкрѣпленія моимъ судамъ двѣ галеры и одна дубелшлюпка. Но всѣ сіи суда еще не возвратились.

Донеся о семъ вашему высокопревосходительству, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства вашъ покорный слуга Панаіоти Алексіано.

1 Юня
1788 года.

Къ Н. С. Мордвинову.

Kinbourn, le 31 Mai 1788.

Votre excellence! Je n'ai pas encore reçu la copie des ordres de S. A. le P. pour vous. Vous verrez par ma lettre au prince de Nassau toute mon opinion comme vous agissez avec lui de concert, vous êtes très bien avec les deux esquadres, mais vous savez bien que dans ces circonstances le radical des opérations regarde Kinbourn, point principal, efficace et non équivoque, c'est l'objet au quel doivent se réplier tous nos soins et nos peines. Il est trop plausible d'attendre l'approche de l'armée de terre, en attendant je ne puis rien répondre des événements! C'est assez dit pour un soldat qui n'a jamais été homme de mer. Je suis à jamais de v. e. t. h. et. t. o. s. *)

„Souvorow“.

*) T. e. votre excellence très humble et très obéissant serviteur.

Къ неизвѣстному лицу.

J'ai beaucoup d'obligation à monsieur l'amiral pour ses lettres et je prie de me conserver son amitié. Je demande pardon à son excellence de l'avoir omis entre les héros du 7-e, ayant parfaitement ignoré qu'elle s'était trouvée sur l'escadre à rames. Особливо тожъ не зналъ о моемъ любезномъ и великодушномъ Панаіотѣ Павловичѣ¹, считая его на парусной эскадрѣ. Но тѣмъ паче утѣшается моя душа, что еще ваше высококорodie толь геройственно изволили бить невѣрныхъ правымъ крыломъ, по свидѣтельству его свѣтлости принца Нассау. Gott beschirme Ihren würdigen Winter. Ich umarme Ihnen mit Boniten und Froutsch, und küsse meinen lieben Sohn Emanuel²). Графъ Апраксинъ и вы доказали, что предпочли честь здоровью и славу жизни подъ прославленнымъ вашимъ главнымъ предводителемъ. Одолжите меня, изъясните мое высокопочитаніе прочимъ мужественнымъ отличившимся начальникамъ, которыхъ геройству и талантамъ я удостоинъ быть судьбою быть личнымъ свидѣтелемъ, но счастья не имѣю ихъ особо такъ коротко знать.

Къ принцу Нассау-Зигену.

Mille grâce, monseigneur, de la copie de votre relation; elle est claire, correcte, instructive, un parfait assemblage de votre héroïsme. J'embrasse monsieur le translateur, le brave comte Roger. Batterie de la pointe, qu'en echee, elle était déjà bon au possible, 2 batteries la soutiennent, en raison que nous sommes terres-trains sans voiles. Le bord du pont Euxin presque à mi-distance de Kinbourn ayant quelque escarpement pour se couvrir au ventre à terre, il y a un peu de dérangement de circuler ici avec des restes d'escadre. Major d'artillerie Kroupenskoy sera chez votre altesse pour le consulter sur la batterie vers votre flanc gauche. Nous tâcherons de tirer d'ici 5 à 6 canons à son service, quoique les meilleurs toujours au blokfort. Il me paroît bon contre les petits bâtimens des Boussourmans de porter mes trois bâtimens Zaporoges sous le parapet de blokfort. Votre altesse n'aura-t-elle pas la bonté à les renforcer par trois autres bateaux Zaporoges avec un très bon partisan et s'il se peut? Jean Tchoban retourne d'Otchakov, comme aussi vos trois bateaux Zaporoges en réserve sous Kinbourn, agiles à la cours; si de concert par hazard il ne s'y pourra trouver

¹) Алексіано. П. Б.

²) Не ручаемся за прочтеніе этихъ именъ. П. Б.

même de corsaires, les troisièmes trois pour votre batterie sur le flanc gauche restent à votre bon plaisir. Je finis par vous embrasser, mon cher prince.

Суворовъ.

Copie de la lettre écrite le 9 Juin.

Mon prince.

Si votre altesse était sur les lieux, elle verroit de quelle utilité la batterie de la pointe de Kinburn peut nous être. Soit pour empêcher les vaisseaux de sortir, si nous avons le bonheur de les battre, soit pour empêcher ceux qui sont dehors de venir à leur secours. C'est nous, mon prince, qui avons persécuté le général Souvoroff pour nous accorder le secours. Si cette batterie avait été faite plutôt, il y auroit moins de gros vaisseaux dans le liman et l'escadre à voiles seroit plus entreprenante. Nous ne pouvons nous dissimuler que nos forces sont fort inférieures, et si l'on ne nous donne aucun aide du côté de la terre, il est à craindre que, malgré tous nos efforts, nous ne puissions pas parvenir à détruire ou chasser les forces du capitain-pacha. D'ailleurs, mon prince, ce n'est pas moi qui ait eu l'idée de cette batterie: lorsque m. m. de Ribas et Paul-Jones revinrent de Kinburn, le dernier se plaignit de ce que le général Souvoroff ne se prêtoit pas à établir une batterie à la pointe de la langue de terre; il vouloit le rendre responsable des désastres qui pourraient nous arriver par la quantité de gros vaisseaux qui entreraient. Sur le récit de ces messieurs, j'ai été de leurs avis et je leur ai dit que dès la première fois que j'avais vu Kinburn, j'avais trouvé que le point le plus intéressant pour établir une batterie était la langue de sable. Je me suis donc uni à eux pour solliciter le général de nous accorder le renfort que je regarde comme nécessaire. Je puis assurer votre altesse qu'il n'y a pas un marin qui ne trouve cette batterie nécessaire et j'espère qu'elle consentira à ce qu'on la conserve et à ce que l'on y établisse des fours à boulets rouges. Souvorow.

КЪ КНЯЗЮ Г. С. ВОЛКОНСКОМУ.

Милостивый государь князь Григорій Семеновичъ!

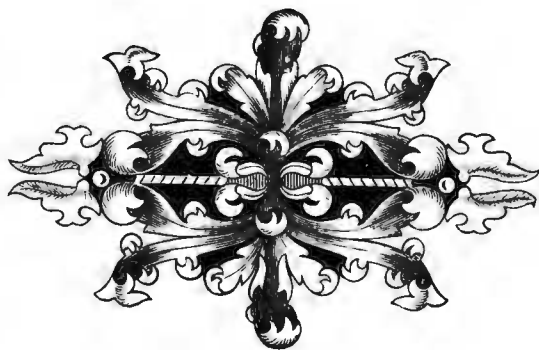
Четыре письма вашего сиятельства отъ 25. 26-го и послѣднія два 28-го числа Юля съ приложеніями ихъ я имѣлъ честь получить. Благодарю покорнѣйше за оныя и за извѣстія, равномѣрно и за воспоминаніе меня 22-е число, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Высочества *).

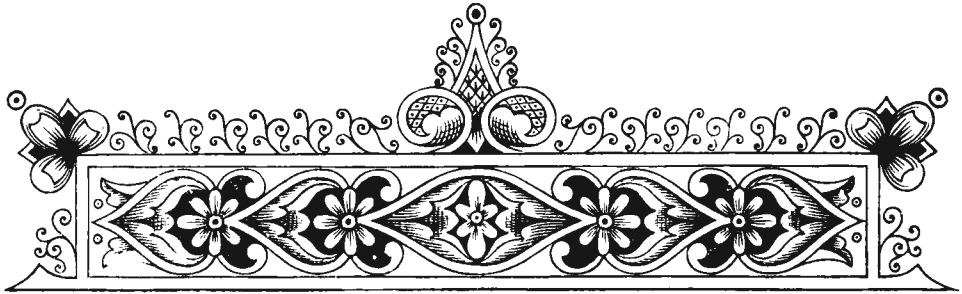
*) Великой княгини Маріи Осодоровны. П. Б.

Относительно требованія Бендерской крѣпости бинъ-эмина съ учиненнымъ вами къ нему отношеніемъ я весьма согласенъ и надѣюсь, что ваше сіятельство не оставите отозваться къ нему и о томъ, чтобъ и съ ихъ стороны таковымъ же образомъ воспрещаемо было перебѣгающимъ отъ насъ, и гдѣ могли бы появиться въ ихъ предѣлахъ, то, не удерживая, возвращали бы.

Въ прочемъ пребываю всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга „Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

№ 2072.
Августа 3-го дня
1794-го года
М. Немировъ.

АРХАРОВЫ.

Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова.

Младшій нашъ товарищъ по Московскому Университету, незабвенный благопріятель и дѣятельный сотрудникъ „Русскаго Архива“, Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ (род. 30 Сент. 1832 † 11 Мая 1890), кромѣ извѣстной своей книги „Семейство Разумовскихъ“ (отъ нихъ происходилъ его отецъ), имѣлъ въ виду написать хронику семейства Архаровыхъ (мать его была рожденная Архарова). Въ бумагахъ его сохранилась нижеслѣдующая о нихъ запись, къ сожалѣнію краткая. За сообщеніе ея приносимъ благодарность нашу его дочери, многоуважаемой Александрѣ Александровнѣ Милорадовичъ (читателямъ нашимъ памятно превосходныя статьи ея о царицахъ Маріи Владимировнѣ и Евдокіи Лукьяновнѣ). Достопочтенная семья Ивана Петровича Архарова была представительницею студенческаго дворянскаго быта, въ числѣ особенностей которой было между прочимъ и такое разговѣніе въ день Св. Пасхи: сначала садилась за столъ прислуга, и господа ее угощали.

Бабушка¹⁾ моя родилась въ 1755 году и была уже взрослою дѣвицею во время страшной Московской чумы. Вотъ что она разсказывала моей матери²⁾.

„Я воспитана была у бабки своей княгини Софьи Семеновны Волконской, рожденной княжны Мещерской, супруги генералъ-аншефа и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, князя Семена Ѳedorовича Волконскаго, скончавшагося 4 Мая 1768 г. Домъ его, срытый послѣ 1812 года, находился почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ высится храмъ Спасителя, возлѣ перенесеннаго въ Сокольники Алексѣевскаго монастыря, отъ чего и улица до сихъ поръ сохранила названіе Волконки.

¹⁾ Кавалерственная дама Екатерина Александровна Архарова, рожд. Римская-Корсакова, супруга генерала-аншефа, Ивана Петровича Архарова, родилась 12 Юня 1755 † 27 Мая 1836 г.

²⁾ Александръ Ивановичъ Архаровой, супругъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Васильевича Васильчикова. Они сочетались бракомъ въ 1819 г. 29 Января; имѣли семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли въ малолѣтствѣ.

„Бабушка неутѣшно оплакивала своего мужа, жила въ большомъ уединеніи, почти непрестанно молилась въ своей приходской церкви или же въ молельнѣ, гдѣ стоялъ для нея готовый гробъ и все необходимое къ погребенію. Настала чума. Бабушка не хотѣла выѣзжать изъ Москвы. Она не боялась болѣзни; съ мыслию о смерти она до того свыклась, что чума не могла представлять ей ничего ужаснаго. Она, не колеблясь духомъ, приказывала принимать всѣ предосторожности, предписанныя правительствомъ, но о выѣздѣ изъ столицы и не думала. На дворѣ у нея всегда дымилась смола, ею обкуривали весь домъ, ворота были на запорѣ, на дворъ никого не впускали, письма и посылки обкуривали и принимали съ большою осторожностью. Безпрестанные толки объ усиленіи язвы и смертности страшно насъ всѣхъ тревожили. Мать моя¹⁾ неоднократно уговаривала бабушку спасти себя и всѣхъ насъ отъ бѣды поспѣшнымъ выѣздомъ изъ Москвы. Все было тщетно.

15-го Сентября 1771 года подъѣзжаетъ къ воротамъ нашего дома карета преосвященнаго Амвросія²⁾, архіепископа Московскаго. Онъ былъ другомъ моей бабушки, которая питала къ нему величайшее почтеніе и смиренно выслушивала всѣ его совѣты. „Я пріѣхалъ къ вамъ, сказалъ онъ входя къ бабушкѣ, для того, чтобы убѣдительно просить васъ немедля выѣзжать изъ столицы. Вы обязаны исполнить долгъ возложенный на васъ Господомъ Богомъ; вы не исполните этотъ долгъ, если не сбережете дѣтей своихъ“. Тяжело было бабушкѣ рѣшиться ѣхать въ Подмосковную, село Александровское (мать моя, со словъ которой записалъ я всѣ слѣдующія строки, не могла вспомнить, какого оно было уѣзда). Село это тѣмъ болѣе внушало отвращеніе княгинѣ Волконской, что въ немъ погибли дочь ея княжна Волконская и внучка Софья Александровна Корсакова, старшая дочь моей бабушки; ихъ на прогулкѣ понесли лошади, княжна умерла на мѣстѣ, а отецъ Корсаковъ вслѣдствіе ушиба три мѣсяца спустя. Тамъ она не была съ кончины своего мужа. Долго она колебалась. Архіепископъ съ пастырскою любовію уговаривалъ ее принести эту жертву для пользы семейства и наконецъ торжественно объявилъ, что онъ приказываетъ ей властью данной ему свыше немедля оставить Москву и что онъ не выѣдетъ изъ ея дома, не получивъ отъ нея обѣщанія немедленно отпра-

¹⁾ Мать Екатерины Александровны Архаровой, Марья Семеновна Римская-Корсакова, рожденная княжна Волконская, супруга генерала-маіора Александра Васильевича Римскаго-Корсакова.

²⁾ Амвросій Зертисъ-Каменскій родился въ Нѣжинѣ 17 Августа 1708; убитъ въ Донскоу монастырѣ 15 Сентября 1771 на 63 году отъ рожденія.

виться въ деревню. Трогательно было ея прощаніе съ архіепископомъ. Болѣе не суждено было имъ видѣться.

„Твердость духа и христіанскія чувства никогда не покидали бабушку. Собравшись къ отъѣзду, она захотѣла выполнить обрядъ поклоненія мощамъ, обрядъ ея всегда выполняемый передъ отъѣздомъ въ деревню. Бабушка не обращала вниманія ни на какія опасности, которыя были неразрывны въ то время съ исполненіемъ этого обряда; она взяла насъ всѣхъ съ собою, и мы поѣхали по всѣмъ соборамъ Кремлевскимъ. Карету нашу зацѣпила фура ѣхавшая на встрѣчу, и что почувствовали мы, когда увидѣли чѣмъ она была наполнена! Трупы, положенные одинъ на другой, нагіе съ разбросанными членами, со свѣсившимися обезображенными головами. Видъ этой фуры ввергъ насъ въ ужасъ невыразимый; но намъ сдѣлалось еще страшнѣе, когда мы встрѣтили другую фуру наполненную умирающими. Послѣ поклоненія иконамъ и мощамъ бабушка сама раздавала милостыню нищимъ, которыхъ большая часть была уже, быть можетъ, заражена страшнымъ недугомъ. 16 Сентября 1771 года мы выѣзжали за Калужскую заставу, во время вечерень. Поровнявшись съ Донскимъ монастыремъ, мы услышали звонъ колокола, и всѣ перекрестились, думая, что звонъ этотъ сзываетъ православныхъ къ вечернимъ молитвамъ. Кто изъ насъ могъ тогда подумать, что этотъ звонъ былъ набатъ, возвѣщавшій волненіе народа и мученическую кончину? Мы нѣсколько дней спустя узнали подробности о кончинѣ Амвросія отъ сына нашего прикащика, пріѣхавшаго изъ Москвы въ село Александровское, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда. Онъ стоялъ въ гостинной неподалеку отъ насъ во все время своего разсказа. На другой день онъ умеръ отъ чумы. Двое умерли еще, имъ зараженные: одинъ сѣвшій на его дрожки, а другой державшій въ рукахъ платокъ его.

„Вы можете себѣ вообразить, продолжала Екатерина Александровна Архарова, всю грусть нашу, когда слушали мы разсказъ о смерти архіерея.

„Въ дѣтствѣ моемъ¹⁾ я замѣчала слезы отца²⁾ и дяди³⁾ при воспоминаніи о какой-то пѣсни, которую они тихо запѣвали въ старости своей. Когда мы спрашивали ихъ, отчего они плачутъ, они разсказывали намъ слѣдующее. Отецъ ихъ, Петръ Ивановичъ Архаровъ, бригадиръ тогдашней службы, вышелъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ. Онъ имѣлъ нравъ строптивый, жилъ въ несо-

¹⁾ Говорила мать моя А. И. Васильчкова.

²⁾ Ивана Петровича Архарова.

³⁾ Николай Петровича Архарова.